

Разминулись.

Чёрно-белая память и пара цветных эпизодов
в первой жизни за тысячи прожитых окон, кроватей.
Облаками приплюснутый лунный зрачок в небосводе –
в центре диск, тени в радужке, обод – слепой надзиратель.

Стол без скатерти, пара бутылок – ночь душная, лето.
Одинокая рыба в тарелке глядит обречённо
неподвижным единственным глазом в меня с того света.
В кухне капли выстукивают по посуде со звоном -

там свихнувшийся кран мне на голову цедит минуты.
Всё быстрее в потолке дым кружится над нами.
Нам бы с женщинами быть в постелях. Мы здесь почему-то,
и слова наши - шнур, по которому движется пламя.

Для меня в это время он был канарейкою в шахте,
где кончается воздух, и в бронхах хрипела усталость.
Иногда начинал тихо каяться с бухты-барахты,
и казалось, душа как фитиль над свечой изгибалась.

А потом водкой речь запивал, улыбался коряво.
Очень долго молчал, и лицо его делалось старым.
Появлялось в нём что-то от бледности сжатых суставов –
пятерни, что ногтями в ладонь - перед главным ударом.

Наконец голос вновь наливался холодным сарказмом.
Он по семидесятой свой срок отмотал прошлым летом
где-то в Потьме, и скоро погибнет от приступа астмы.
Но теперь горельефом из твёрдого лунного света

сквозь обои во тьме проступает он каждую ночью.
Луч прожектора с вышки, собаки заходятся лаем -
это в снах у меня его память разорвана в клочья.
Но они разминулись давно с моей явью. Я знаю.